

Отар Иоселиани: «Тот, кто думает, не одинок»

ПЕРСОНА

Антон ДОЛИН

Продолжение. Начало на стр. 09

— А почему Вермеер мерзкий?

— Потому что очень талантливый (смеется). Или Куприн, например. Он был в военных лагерях. Тогда жена ему написала длинное письмо: я все знаю, что ты там пьешь и играешь в карты, и опять пьешь... Телеграф тогда был только изобретен, и каждая буква стоила дорого. Куприн ей выслал телеграмму: «Пи пю бу пи». Пил, пью, буду пить.

— Если все это — не чистое кокетство с вашей стороны, то вы, выходя, жалеете, что отдали жизнь кинематографу?

— Единственный, кому я завидую, — это Брунеллески. Потому что он изобрел, как построить купол (купол флорентийского собора Санта Мария деи Фиори. — А. Д.). Изобрел, когда никто не знал, как это надо сделать. А он знал. Занятие мое — все-таки архитектурное... Но купола я пока не придумал. Очень жаль. Мы, например, с Андреем Тарковским соревновались, кто в фильме сделает меньше склеек. Он дошел до 220 — по-моему, в «Сталкере». Потом сделал еще меньше в «Жертвоприношении». А я сделал 163 в последнем фильме! И последние три склейки меня просто раздражают. Могло быть 160. Против 800–1200 в любом нормальном фильме, сегодня существующем.

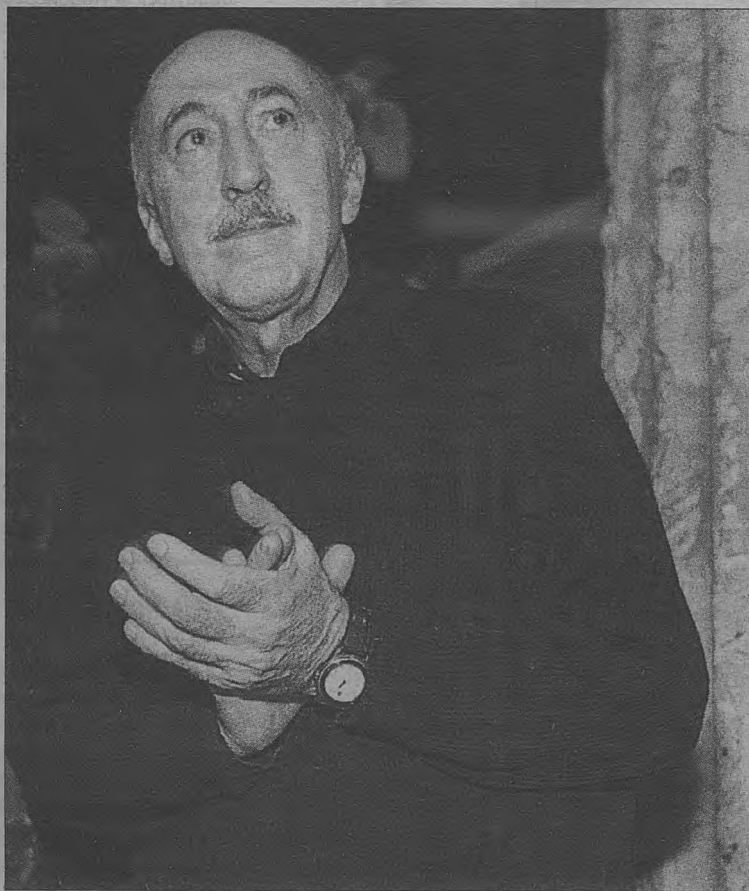
— В фильмах с «клиповым» монтажом еще больше...

— В нашем ремесле существует такой метод: когда много говорят, то показывается лицо одного человека, а потом второго. Называется «восьмерка». «Восьмерки» я никогда в жизни не употреблял. Андрей — тоже. Это стыдно. Я никогда не повторял дважды одного и того же плана. Никогда не делал крупных планов. Почему я говорю об архитектуре? Потому что все это — строение фильма.

— Вы говорите о Джотто, Куприне, Тарковском. А изменения в реальном, сегодняшнем мире на вас и ваши фильмы влияют?

— Дважды в одну реку не войдешь. Все меняется вокруг? Ну и пусть меняется. К худшему ли, к лучшему ли... Сгинули поколения, сгинули прекрасные люди, о которых мы помним, благодаря оставленным ими текстам. Есть такой текст Алексея Константиновича Толстого: «Чужое коль имение разграбишь и разделишь, наступит вождение». Это было написано очень давно.

Дом, в котором мы находимся (Дом на набережной. — А. Д.), — тот дом, куда вселялись с радостью и откуда исчезали навсегда. Я даже не знаю, что было в стенах этой квартиры, но дом — жуткий. Кстати, я совсем не уверен в том, что большевики не были изначально

«Единственный, кому я завидую, — это Брунеллески»

мерзавцами. Говорят, что были среди них какие-то романтики. Я в это не верю. Друг друга перебили? Очевидно, поделом. Винить во всех грехах верхушку, которая рабски сидела за одним столом с одним человеком, выпивая по ночам, — тоже неправильно. Все друг на друга доносили, все друг друга истребляли, все с большим наслаждением мучили и терзали друг друга. Значит, где-то это заложено, чем-то обосновано?

Злобность, которая проявилась во времена большевизма, видна и сейчас. Выйдите на улицу: озлобленные люди ходят. В правительстве все друг друга терпеть не могут. Никто не печется о том, чтобы как-то причесать это убогое государство. Естественно, это производит на меня впечатление. Об этом — моя последняя картина.

— Предположим, вы делаете фильм и вдруг узнаете о чем-то

ужасном, что происходит ровно в эту минуту: теракт, война, катастрофа. Это как-то непосредственно на вас воздействует?

— Я снял такую картину — «Разбойники, глава VII». Мы думаем, что живем в самое несчастное время, а картина эта о том, что всегда так было. Всегда. Ради бога,

Мы думаем, что живем в самое несчастное время... Всегда так было. Всегда. Ради бога, не вздыхайте и не охайте

не вздыхайте и не охайте. Такова природа человеческая. Что натворили конквистадоры, когда приехали в чудную невинную страну! Что творили иезуиты, когда сжигали на кострах ведьм! Чего только не вытворяли нацисты! И мы сейчас, живя в наше время, думаем: «Ах как плохо...» Любое событие,

которое происходит «вдруг», надо соотносить с тем, что было раньше. Каждому фрукту — свой сезон.

— А то, например, что происходит в отношениях России с Грузией, вас не тревожит?

— Когда был подписан Трактат между Грузией и Россией во времена Екатерины II, там было зафиксировано, что Грузия остается царством. Во времена Павла I вошли российские войска, и начался бардак. Вместе с войсками вошла Русская православная церковь, которая изгнала из Грузии отцов Церкви, а они составляли серьезную основу духовной жизни народа. Изгнание отцов Церкви — первое, что сделала российская администрация. Безобразия продолжается, народ дичает — точно так же, как и в России, которая была оккупирована большевиками. И погибла Россия именно из-за этой оккупации. Потом та же администрация оккупировала другие уголки, а разбойник Орджикидзе вторгся в Грузию с Одинадцатой армией... Отношения России с Грузией сегодня очень далеки от пушкинских строк «На холмах Грузии...» и «Не пой, красавица, при мне...» Или этого колониста Лермонтова: «Там, где сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры...»

А ведь было чудное общество, были интеллигентные люди. Были такие связи глубокие между интеллигенцией Грузии и России! Потом все сгинуло и в Грузии, и в России. Поэтому я с вами разговариваю по-русски. Может быть, я последний грузин, который говорит по-русски?

— Будем надеяться, что нет. А грузинское кино, что с ним сейчас происходит?

— Его просто не осталось.

— В прошлом году нашумел очень хороший фильм совсем молодого режиссера Гела Баблуани «13».

— Я не смотрел, мне говорили, что он очень жестокий. Но вам он доставил радость? Вот и хорошо.

— А вам что-то из сегодняшнего доставляет радость?

что у нас сегодня? Церетели, Глазнов. Что еще? Ну, есть в Париже Боря Заборов...

— Совсем недавно еще был жив другой художник, Михаил Рогинский.

— Да, да, правильно вы говорите, но эта культура течет спокойно, без всплесков. Последний живописец, который доставлял мне радость, был Анатолий Зверев. Таких композиторов, как Стравинский или Рахманинов, сегодня уже нет. Хотя есть Николай Зурабишвили, который пишет музыку к моим фильмам, — хороший музыкант, блестящий.

— А кино?

— У вас есть ваш Михалков. И он думает, что это — кино! Ну пусть думает.

— Не у нас, в мире.

— Вот я был председателем жюри «Золотой камеры», приза за лучший дебют, в Каннах. Я дал приз двум иранцам. Хотя иранцы являются злейшими врагами Грузии — ее завоевателями. Жюри состояло из современных молодых людей. Мы рассматривали 24 фильма. Я был вынужден разобрать каждый фильм по косточкам, чтобы доказать его банальность, отсутствие жизни. А потом говорю: «Я вам все рассказал, и что вам остается? Думайте теперь сами». Они ответили: «Два иранских фильма». Но «Золотая камера» у нас была одна. Я говорю: хотите — бросайте орел или решку, но они вернутся домой, а там режим, кошмар... Если вы согласны, то дадим сразу обоим. Я пошел к президенту Каннского фестиваля Жилью Жакобу и ему сказал: «Знаешь, такая ситуация — эти разбойники в моем жюри решили, что им нравятся два иранских фильма». Он говорит: «А у меня один приз, что я могу сделать?» Я говорю: «Распили». Он: «То есть ты хочешь, чтобы я второй сделал?» Я: «Да, хотелось бы. Будь любезен». Он: «Я так и знал, что тебя нельзя назначать председателем жюри!»

— А фильмы каких-то ваших современников, товарищей смотрите?

Или таких не осталось? Вот сейчас в Венеции будут показывать «Остров» Павла Лунгина — он, как и вы, выходец из СССР, живущий во Франции и снимающий фильмы с французскими продюсерами...

— Меня все это не интересует. Просто есть люди, которых я уважаю, а есть люди, которых не уважаю. Суриков как-то сказал Репину: «Ах, как я хотел бы придумать такой портрет Ермоловой, какой ты написал!» А Репин, в свою очередь, очень любил Сурикова «Утро стрелецкой казни». Я почему это говорю? Они были товарищи, коллеги. Еще Стасов над этим стоял. «Могучая кучка» — такая была эпоха... Сегодня я вам ничего не могу сказать подобного ни о ком. То, что потом делали Стравинский и Рахманинов, родилось из огромной ностальгии по ушедшему. Например, «Петрушка» пронизан такой печалью! (Насвистывает тему из «Петрушки» Стравинского.)

— Простите за глупый вопрос, а вам не хотелось бы жить в другую эпоху?

— Это Пушкин сказал: «Черт меня догадал с умом и талантом...» Нет, мне — не хотелось бы.

Отар Иоселиани в роли итальянского аристократа (справа) рядом с героем своего фильма «Утро понедельника» Венсаном (Жак Биду)